

КАМЕННЫЕ ИЗВАЯНИЯ И МЕНГИРЫ САКСКОЙ ЭПОХИ

А. З. Бейсенов

Институт археологии им. А. Х. Маргулана (Алматы, Казахстан)

В статье рассматриваются материалы по каменным изваяниям и менгирам сакского времени Центрального Казахстана. Эти объекты долгое время оставались неизвестными науке. Интенсификация археологических исследований памятников раннего железного века в этом регионе в течение последних 15 лет позволила получить значительный объём новейших данных. Автором найдены пять каменных изваяний, связанных с погребальными сооружениями тасмолинской культуры (VIII–V вв. до н. э.). По данным Л. Н. Ермоленко, всего по Центральному Казахстану сейчас известно около 20 изваяний. С погребально-поминальными объектами тасмолинской культуры также связаны менгиры. Автор полагает, что тасмолинская традиция установки вертикальных камней восходит к культуре населения эпохи поздней бронзы Центрального Казахстана (бегазы-дандыбаевская культура).

Ключевые слова: каменные изваяния, менгиры, Центральный Казахстан, тасмолинская культура, бегазы-дандыбаевская культура.

В ходе новейших исследований автора на территории Центрального Казахстана был получен большой объём археологических источников по культуре населения раннего железного века. Открыты и изучены многочисленные и разные памятники, в числе которых погребальные и культовые сооружения, поселения. Новые разработки, проводимые с учётом ранее полученных материалов [1, с. 303–433], позволили сделать некоторые выводы и заключения [2; 3; 4; 5; 6; 7].

В археологии раннего железного века Центрального Казахстана лучше всего исследованы памятники тасмолинской культуры, которая сейчас датируется периодом VIII–V вв. до н. э. [4; 8]. Систематизация и анализ данных показали, что наиболее яркие и многочисленные памятники этой культуры сооружены на раннем её этапе – в период VIII – первой половины VI вв. до н. э. Памятники второго этапа пока мало изучены, они количественно уступают памятникам раннего этапа.

На раннем этапе Тасмолы появляются каменные изваяния. Абсолютно неизвестные в ранний период работ, эти памятники сейчас уже выступают в качестве важной категории источников. Пять камней (рис. 1) найдены в недавних исследованиях автора, их особенности были рассмотрены в предыдущих публикациях [3; 9]. Вообще по сведениям специалиста по данной проблеме Л. Н. Ермоленко, в Центральном Казахстане ныне известны около 20 изваяний раннего железного века [10]. По сообщению Г. С. Джумабековой и Г. С. Базарбаевой, курганы с изваянием и стелой имеются на западной периферии тасмолинской культуры – в Тургайском регионе [11]. Таким образом, складывается новое направление в изучении изваяний и менгиров сакской эпохи. Сейчас материалы этих памятников находятся на стадии анализа и введения в научный оборот.

Все пять каменных изваяний, найденных в ходе раскопок, произведенных автором, связаны с погребальными сооружениями. Изваяния Байдалы и Жиланды были найдены возле курганов, но первоначальное место их установки осталось неизвестным: они были перемещены. Изваяние на кургане-2 могильника Кособа [12] в момент раскопок было обнаружено на юго-восточном краю насыпи (рис. 2). Возможны два варианта относительно первоначального местонахождения: оно стояло здесь или же было установлено на вершине насыпи и было сброшено вниз во время ограбления.

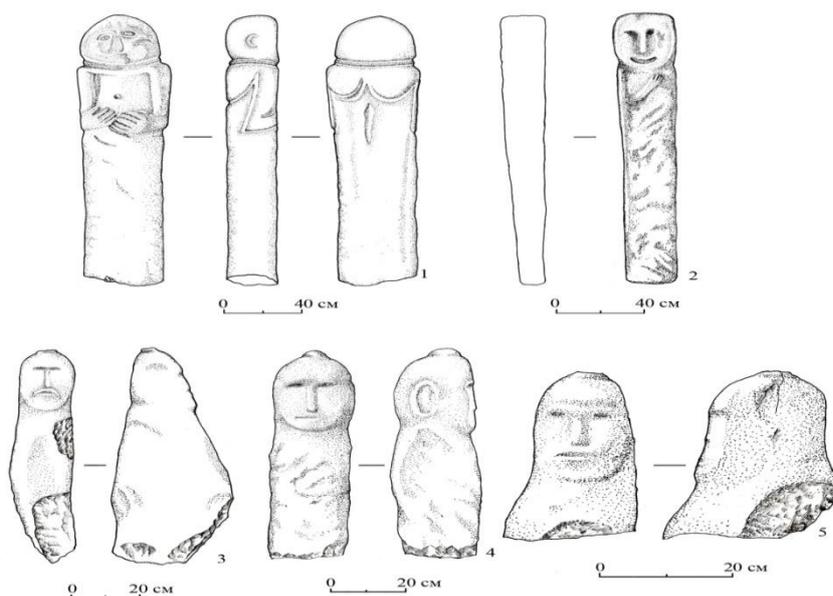

Рис. 1. Каменные изваяния сакского времени Центрального Казахстана: 1 – Кособа, курган-2; 2 – Бегазы, курган-2; 3 – Байдалы, курган-1; 4 – талды-2, курган-7; 5 – курган Жиланды

Изваяние на кургане-2 могильника Бегазы найдено в горизонтальном положении на поверхности насыпи, под дёрном. На могильнике Талды-2 [2; 3] каменное изваяние было найдено внутри насыпи кургана-7. Как показали раскопки, в этом кургане человеческое захоронение отсутствует. Этот курган, имеющий высоту 3 м, окружён многочисленными небольшими каменными жертвенниками. Он, очевидно, являлся ритуальным сооружением, возведённым на краю могильника раннесакского периода. Культурным назначением памятника, возможно, была обусловлена установка каменного изваяния внутри насыпи кургана.

В настоящее время каменные изваяния сакского времени Центрального Казахстана датируются периодом VII–V вв. до н. э. [9]. Те или иные коррективы по датировке изваяний будут выполняться по мере дальнейшей разработки этой темы.

Рис. 2. Курган-2 могильника Кособа в ходе раскопок

В отличие от каменных скульптур тюркских народов эпохи средневековья, изваяния сакской эпохи ещё не стали предметом широких исследований. Главная причина в том, что в других регионах распространения сакских культур Казахстана они ещё по-настоящему не выявлены. Найденные на территории Центрального Казахстана около 20 изваяний есть результат только последних лет полевых исследований. Поэтому основные выводы по их исследованию, надо полагать, ещё предстоят. В настоящее время разработкой данной темы занимается специалист Л. Н. Ермоленко (КемГУ, РФ).

Сейчас можно сказать, что по своей семантике каменные изваяния сакской эпохи должны быть близки к средневековым аналогам. Они также свидетельствуют о статусе героизированных предков и занимают важное место в исследовании проблем мировоззрения древних саксов. Одним из признаков изваяний сакской эпохи является наличие своеобразной причёски с «шишкообразным выступом», сопоставимым с чубом [9; 10; 13]. В культуре многих тюркских народов традиция оставления на голове чуба была распространённым явлением. Например, у казахов известны такие особенности причёски, как «кекіл», когда оставленная на голове прядь волос ниспадает вперёд, на лоб. Есть также «айдар» – более длинная прядь волос, ниспадающая назад, на затылок или вбок. При этом «айдар» мог быть заплетён, украшен камешками, кусочками цветной материи. Распространено мнение, что указанные типы причёски («кекіл» и «айдар») у казахов являются детскими. Но многие совершенно забывают, что детскими они стали в силу исламских традиций, в чём сомневаться не приходится. Читателю данный аспект знаком также и по культуре украинских казаков, не говоря про более ранние периоды, когда ещё в XIX в. оба вида указанной причёски среди казахов изредка встречались и у взрослых людей – чаще у представителей знати. Так, по фольклорным данным, знаменитый султан Наурузбай Касымұлы, брат Кенесары хана, преданный его помощник и сподвижник, согласно казахской традиции, человек невиданной храбрости, носил айдар, украшенный драгоценными камнями.

Близки к каменным изваяниям и менгиры, найденные в курганах или вблизи них (Талды-2, Нуркен-2, Тандайлы-2 и др.). Нужно отметить, что во многих публикациях исследователи применяют термин «стела». Менгиры и стелы обычно имеют одинаковый вид и представлены каменной плитой разного размера. Их находят на поверхности и внутри насыпи, а также на небольшом расстоянии от кургана.

В курганах № 1, № 2 и № 3 раннесакского могильника Талды-2 были найдены каменные плиты [3], имеющие длину 1,4 – 2,1 м. Они находились по одному в центральной части курганов под мощным земляным слоем. Эти плиты лежали на поверхности каменной кладки, возведённой вокруг могилы. Можно допустить, что после возведения каменного слоя насыпи указанные плиты-менгиры были здесь вертикально установлены. Затем ка-

кое-то время каменная кладка насыпи стояла незасыпанной. После этого, перед возведением верхнего земляного слоя, менгиры, по-видимому, были преднамеренно повалены. Сакский курган возводили в ходе нескольких этапов, и это занимало определённое время. Установка менгиров, видимо, здесь была связана с одним из этапов. Такая же ситуация, возможно, имела место и в строительстве курганов № 1 и № 2 могильника Нуркен-2. В этих курганах также найдены по одному крупному менгиру, которые лежали внутри насыпи [14].

В ходе раскопок кургана-2 могильника Тандайлы-2 в центре насыпи была обнаружена каменная кладка в форме треугольника, обращённого на восток. Основу сооружения образуют две многослойные выкладки из плит, на плане образующие острый угол со срезанной верхушкой. Внутри этого сооружения, заложенного камнями, находилась могила, ориентированная длинной осью по линии ЮЗ-СВ. На расстоянии 1 м к западу от сооружения находилась нижняя часть вертикально стоящей плиты (рис. 3).

Рис. 3. Курган-2 могильника Тандайлы-2. Каменное надмогильное сооружение и нижняя часть менгира. Вид с севера

Длина сохранившейся части плиты – 0,62 м. Камень установлен внутри земляного слоя насыпи на длину 0,47 м, у основания находится скопление небольших плит. Верхняя часть камня на 0,15 выступает наружу. Нет сомнения в том, что верхняя часть этого менгира была кем-то разбита и не сохранилась. Следует отметить, что менгиром мы называем этот камень условно. Верхняя часть камня отсутствует, это могло быть и каменное изваяние. Древняя могила оказалась ограбленной, но уцелели три бронзовых наконечника стрелы. По этим предметам курган был датирован периодом VIII–VII вв. до н. э., чему не противоречит и полученная радиоуглеродная дата (Королевский Университет Белфаста, Северная Ирландия, Великобритания). Данный памятник относится к типу комплексов с каменными грядами (с «усами»); в настоящее время готовится публикация материалов по указанному памятнику.

Ярким примером того, что погребальная и поминальная процессия у саков древнего Казахстана включала ритуалы, связанные с установкой менгиров, является сложный комплекс «Курган 37 воинов». Этот памятник находится в Центральном Казахстане. В 1940–1950-х гг. исследования здесь проводили А. Маргулан и К. Акишев. Недавно группой А. З. Бейсенова на этом комплексе были проведены новые исследования и реставрационные работы, отдельные результаты которых кратко показаны в предыдущей публикации [15]. Как показали исследования, на этом комплексе сейчас сохранились около 100 древних менгиров (рис. 4, 5). В древности их было гораздо больше.

Рис. 4. Комплекс «Курган 37 воинов». Общий вид. Менгиры

Рис. 5. Комплекс «Курган 37 воинов». Менгиры в северо-западной части

Летом 2016 года проводились исследования на могильнике Назар-3. Здесь обнаружено всего 18 древних сооружений: 4 кургана, 4 менгира и 10 небольших округлых жертвенников. Все они образуют три параллельные линии, протянутые с северо-запада на юго-восток. Самую восточную линию образуют курганы. С западной стороны их находятся менгиры, а ещё западнее проходит линия жертвенников. Курган-2 является самым крупным. Он имеет овальную форму, его диаметр – 16x12 м, высота – 0,9 м. На расстоянии 6,8 м западнее кургана находится самый крупный менгир (рис. 6). Его общая длина – 2 м. Он на 1,2 м выступает над землей и на 0,8 м вкопан в землю (рис. 7). Курган оказался сильно разграбленным и могила, глубиной 0,5 м, оказалась пустой. Тем не менее, исходя из особенностей конструкции кургана, раннесакская дата памятника (кургана и менгира) не вызывает сомнений.

Рис. 6. Назар-3. Общий вид кургана-2 с менгиром

Рис. 7. Назар-3. Менгир

В ареале тасмолинской культуры с курганами связаны также и жертвенники. Они имеют округлую или овальную форму. Их диаметры чаще от 1,5 м до 3–4 м. Иногда они содержат предметы конской узды [16] как свидетельства проведённого обряда жертвоприношения лошади. Тасмолинские околокурганые жертвенники, изваяния, культовые камни в виде менгиров и стел генетически связаны с предшествующей культурой бегазы-дандыбаевской эпохи Центрального Казахстана [17, с. 27–28; 18]. В эпоху поздней бронзы, как и в андроновское время, в степях Центрального Казахстана были широко распространены и каменные жертвенники, и многочисленные культовые камни [19; 20].

Тасмолинская археологическая культура, сложившаяся в VIII в. до н. э. в степях Центрального Казахстана, развивалась в тесных связях с родственными сакскими образованиями Казахстана и всего востока степной Евразии. Тасмолинские племена Центрального Казахстана, по всей видимости, были потомками метисированного андронидного населения, о чём свидетельствуют антропологические данные [21]. Новейшие данные позволяют не сомневаться в том, что эти культурные образования были друг к другу намного ближе, чем это раньше представлялось. Раннесакское единство на территории Казахстана было обусловлено наличием единой основы. Сказанное отнюдь не исключает широкий спектр взаимовлияний в среде многих этнокультурных сообществ, в ходе которых распространялись отдельные новые элементы в обрядах, типах вещей и украшений.

Таким образом, важными компонентами тасмолинской культурной традиции были каменные изваяния и менгиры. По поводу последних нужно иметь в виду, что в течение долгого времени эти камни оставались за пределами внимания археологов, проводящих раскопки курганных захоронений и культово-поминальных объ-

ектов. Вряд ли приходится сомневаться в том, что простые плиты, лежащие (поваленные, вырванные) на поверхности курганов или в районе их расположения, часто могли оказаться не замеченными. В заключение также отметим, что в настоящее время менгиры и стелы становятся известными и в памятниках других сакских образований Казахстана (например, в Жетысу, Восточном Казахстане, подробнее см.: [11]), что ещё раз подчёркивает их этнокультурную близость.

Библиографический список

1. Кадырбаев, М. К. Памятники тасмолинской культуры / А. Х. Маргулан, К. А. Акишев, М. К. Кадырбаев, А. М. Оразбаев // Древняя культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1966. – С. 303–433.
2. Beisenov, A. Die nekropole Taldy-2 in beziehung zu den kulturen der fruhsakischen zeit osteurasien. Unbekanntes Kasachstan / A. Beisenov // *Archaeologie im Herzen Asiens*. II. Bochum, 2013. – С. 595–608 (на нем яз.).
3. Бейсенов, А. З. Древние сокровища Сарыарки / А. З. Бейсенов. – Алматы: Институт археологии, 2014. – 196 с. (на каз., русс., англ. яз.).
4. Бейсенов, А. З. Поселения и могильники сакской эпохи Центрального Казахстана / А. З. Бейсенов // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии. – Алматы: Бегазы-Тасмола, 2015. – С. 11–38.
5. Beisenov, A. Studies of the Saka settlements in the East part of the Central Kazakhstan / A. Beisenov // *Arheologija Zapadnoj Sibiri i Altaja: opyt mezhdisciplinarnyh issledovanij* [Archaeology of Western Siberia and Altai: experience of multi-disciplinary research]. – Barnaul, 2015. – P. 289–293. (на англ. яз.).
6. Beisenov, A. Central Kazakhstan in the System of Early Iron Age cultures of the Steppe Eurasia / A. Beisenov // *Cultural Exchange on Silk Road and Altaic World (Asian Academic Research Series, vol. 7. Altaic Studies Series, vol. 3. Kim Seon Ja et al. YOUKRACK.)*. – Korea: Gachon University, 2016a. – P. 175–188. (на англ. яз.).
7. Beisenov, Arman Z. Dromos burials of Tasmola Culture in Central Kazakhstan / Arman Z. Beisenov [etc.] // *Anthropologist*. – 2016. – 26 (1, 2). – P. 25–33. (на англ. яз.).
8. Beisenov, Arman Z. First Radiocarbon Chronology for the Early Iron Age Sites of Central Kazakhstan (Tasmola Culture and Korgantas Period) / Arman Z. Beisenov [etc.] // *Radiocarbon*. – 2016. – 58. – pp. 179–191. doi: 10.1017/RDC.2015.18.
9. Бейсенов, А. З. Новые каменные изваяния сакского времени из Сарыарки / А. З. Бейсенов, Л. Н. Ермоленко // *Вестник КемГУ*. – 2014. – № 3 (59). Т. 3. – С. 36–40.
10. Ермоленко, Л. Н. Новые данные о специфической разновидности изваяний сакской эпохи / А. З. Бейсенов, Ж. К. Курманкулов, А. Д. Касенова // *Вестник Кемеровского государственного университета*. – 2015. – № 1 (61). Т. 3. – С. 26–32.
11. Jumabekova G. Stelae in Funeral rites of the Kazakhstan Early Nomads / G. Jumabekova, G. Bazarbaeva // *Cultural Exchange on Silk Road and Altaic World (Asian Academic Research Series, vol. 7. Altaic Studies Series, vol. 3. Kim Seon Ja et al. YOUKRACK.)*. – Korea. Gachon University, 2016. P. 199–213. (на англ. яз.).
12. Бейсенов, А. З. Исследование кургана сакского времени с каменным изваянием на могильнике Кособа (Центральный Казахстан) / А. З. Бейсенов // *Древние и средневековые каменные изваяния Центральной Азии*. – Барнаул: АГУ, 2014. – С. 7–16.
13. Ярыгин, С. А. «Койтась» Центрального Казахстана эпохи поздней бронзы в контексте формирования раннесакских культур степной Евразии // С. А. Ярыгин // *Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы*. Т. I. – Алматы: Институт археологии, 2011. – С. 408–416.
14. Бейсенов, А. З. Дромосные курганы сакской эпохи на реке Жарлы (Центральный Казахстан) / А. З. Бейсенов // *Самарский научный вестник*. – 2016. № 3 (16). – С. 77–86.
15. Beisenov, A. Burial and Ritual complex “Kurgan 37 Warriors” in Central Kazakhstan / A. Beisenov // *Cultural Exchange on Silk Road and Altaic World (Asian Academic Research Series, vol. 7. Altaic Studies Series, vol. 3. Kim Seon Ja et al. YOUKRACK.)*. – Korea. Gachon University, 2016b. P. 189–197 (на англ. яз.).
16. Бейсенов, А. З. Околокурганые жертвенники как разновидность памятников тасмолинской культуры / А. З. Бейсенов // *Вестник Томского Государственного Университета. История*. – 2015. – № 4 (36). – С. 96–104.
17. Бейсенов, А. З. Памятники бегазы-дандыбаевской культуры Центрального Казахстана / А. З. Бейсенов, В. В. Варфоломеев, А. Е. Касеналин. – Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана, 2014. – 192 с., илл.
18. Ермоленко, Л. Н. Вклад А.Х. Маргулана в изучении древней каменной скульптуры Центрального Казахстана / Л. Н. Ермоленко, А. Д. Касенова // *Вестник Кемеровского государственного университета. История*. – 2014. – № 3(59). Том. 2. – С. 20–23.
19. Маргулан А. Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана / А. Х. Маргулан. – Алма-Ата: Наука, 1979. – 360 с.
20. Маргулан А. Х. Древняя культура Центрального Казахстана / А. Х. Маргулан, К. А. Акишев, А. М. Кадырбаев, А. М. Оразбаев. – Алма-Ата: Наука, 1966. – 435 с.
21. Бейсенов, А. З. Население Центрального Казахстана в I тысячелетии до н. э. / А. З. Бейсенов, А. О. Исмагулова, Е. П. Китов, А. О. Китова – Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана, 2015. – 170 с.